

27 апреля 2005 года

Москва

Российско-китайский семинар по проблемам переходных экономик

Часть 2 (окончание)

В.В.Ивангер

Тогда переходим к докладу о развитии банковского сектора. Слово предоставляется господину Юй Сюэцзюню.

Юй Сюэцзюнь (Yu Xuejun), директор китайской комиссии по банковскому регулированию, г.Шэньчжень

Добрый день, уважаемые коллеги. Наша дискуссия в первой половине дня, на мой взгляд, была профессиональной и чрезвычайно интересной, как минимум, для китайской стороны.

Темой моего доклада является надзор в области банковской деятельности. Я хотел бы затронуть 4-5 сюжетов, которые характерны для китайской практики, но они, видимо, будут интересны и для России.

Первый сюжет – это монетарный контроль в переходной экономике. В 1998 году я был в России в самый разгар финансового кризиса. А Китай как раз практически не пострадал от этого финансового кризиса и удачно избежал опасностей. И именно с этого момента я заинтересовался сопоставлением опыта в монетарно-кредитной области, который помогает сравнить модели экономических реформ России и Китая. По этой теме я написал и опубликовал статью, сравнивая финансовую политику России и Китая. Кстати, эта статья оказалась удачной и получила в Китае премию, вручаемую раз в два года, в числе других лучших статей по экономическим вопросам.

В статье описывается, как в переходный период и в Китае, и в России произошли похожие вещи, а именно: рост денежной массы и усиление инфляционных процессов. Сразу скажу, что такого масштаба инфляции, как в России, ни на одном из этапов китайских реформ, конечно, не было. С точки зрения роста денежной массы, процессы были схожи. Однако, как мы помним, в России с 1991 по 1998 год фиксировался отрицательный прирост экономики, в то время как в Китае все годы реформ

среднегодовые темпы увеличения ВВП превышали 9%, что позволяло приросту денежной массы работать на экономику. И потому таких тяжелых инфляционных процессов, как в России, в Китае не было. В частности, в десятилетие с 1990 года по 2000 год прирост валового внутреннего продукта Китая составил в среднем чуть больше 9%, в то время как ежегодный отрицательный прирост российской экономики составил 6%. В этот период среднегодовой показатель инфляции в Китае составил 6,9%, а в России 165%

Надо сказать, что опыт России, если рассматривать проблему еще шире, напоминал опыт других восточно-европейских стран, поскольку в странах Восточной Европы также отмечалась, хотя и на более узком временном отрезке, высокая инфляция, и были периоды, когда сокращалось производство. Сопоставление стран с переходной экономикой позволяет сделать вывод, что во всех этих странах существует острая проблема контроля за денежной массой. В том числе и в Китае. Однако в Китае, похоже, самый опасный период с этой точки зрения прошел, чего нельзя пока со 100-процентной уверенностью сказать о России.

В то же время очень важен вопрос о тактике. Иначе говоря, о том, на какой стадии, с какой скоростью, какими темпами следует осуществлять либерализацию банковско-финансовой сферы. По крайней мере, для Китая в настоящий момент этот вопрос превратился в один из самых острых и важных.

Поскольку в Китае банковско-финансовая сфера находилась и продолжает находиться под достаточно жестким контролем государства, она превратилась в монопольную отрасль. Негативные последствия монополизма выражаются и в не очень высокой прибыльности многих учреждений, и в накоплении плохих активов, а также плохих и безнадежных кредитов. Это стало большой проблемой китайских банков. За последние 6-7 лет, как минимум, два раза китайское государство предпринимало крупномасштабные попытки упорядочить ситуацию в банковско-финансовом секторе.

Первая такая попытка была осуществлена в 1998 году, когда было осуществлено «вливание» ликвидности в систему государственных банков на сумму 270 миллиардов юаней. Одновременно с 4 крупнейших государственных банков, образующих большую четверку, были списаны 1 триллион 400 миллиардов юаней [долгов?].

Вторая крупная попытка упорядочить систему государственных банков была предпринята в 2004 году, когда государство предоставило им ресурсы в размере 45,1 миллиарда долларов. Эти средства были внесены как пополнение капитала двух банков: банка Китая и Строительного банка.

Вопрос из зала:

Банк Китая – это национальный банк?

Юй Сюэцзюнь (Yu Xuejun)

Банк Китая – это старейший банк.

Деньги для банков были взяты из государственных валютных резервов. Дело в том, что сейчас, к началу 2005г., официальные валютные резервы Китая составили примерно 660 миллиардов долларов США. Вот из валютных резервов эта сумма и была переведена в целях увеличения капитализации двух банков из большой четверки - банка Китая и Строительного банка. И одновременно с увеличением капитала двух банков было списано плохих активов на сумму 1 триллион юаней. Оценивая только эти два крупных мероприятия, можно сказать, что за последние несколько лет китайское правительство заплатило довольно высокую цену за улучшение состояния банковско-кредитного сектора. Но, в то же время, такая политика подтверждает высокую степень политической решимости что-то сделать, чтобы решить описанную проблему.

Второй вопрос. С утра мы много говорили про ВТО. Китай входит в состав ВТО уже три года. В конце 2006 года переходный период заканчивается, и к этому моменту по условиям соглашений по ВТО кредитно-финансовая сфера Китая должна быть полностью либерализована. Иностранные банки должны быть к этому времени поставлены в одинаковые условия с китайскими банками и другими кредитными учреждениями. Поэтому правительство Китая понимает, что продолжение существования этой отрасли как монополистической уже невозможно. Сейчас речь идет о том, что к концу переходного периода Китай должен найти какой-то безболезненный путь к переводу этой сферы на рельсы рыночной экономики и создать соответствующие механизмы. Мы чувствуем, что это, может быть, один из самых серьезных вызовов для китайской экономики.

Третий вопрос – проблема обменного курса. Из упомянутых выше 660 миллиардов долларов золото-валютных резервов, 200 миллиардов прибавилось всего за один год. В России это должны понимать, поскольку там ЗВР сейчас растут тоже довольно быстро. Но если Россия за прошлый год, по-моему, увеличила ЗВР на 50 миллиардов долларов, то у нас они выросли на 200 миллиардов.

Одна из причин этого - приход так называемых «горячих денег» в китайскую экономику. При этом положительное сальдо внешней торговли не было таким уж огромным, чтобы объяснить этот приток. В 2004 году оно составило всего-навсего 32,18 миллиарда долларов. Плюс прямые капиталовложения – 60,6 миллиардов долларов за этот

же 2004 год. В итоге получается, что больше чем 100 миллиардов прироста не имеют отношения ни к положительному сальдо внешней торговли, ни к прямым инвестициям.

Эти средства по разным каналам попадают в разогретую китайскую экономику и создают колоссальное давление на юань - в сторону повышения его курса. И, естественно, все время дебатруется вопрос о том, каким должен быть механизм формирования обменного курса. Для нас, как и для России, этот вопрос тоже весьма важен. Он вызывает огромное количество дискуссий и обсуждений на всех уровнях. И экономисты, и те, кто ответственен за принятие решений, участвуют в этой дискуссии.

Скажем, мы в России всего второй-третий день находимся. Мы уже чуть-чуть увидели, сколько стоят товары в магазинах. Из разговоров с людьми мы представляем цены на недвижимость в Москве. Этого уже вполне достаточно, чтобы понять, насколько заниженным является обменный курс юаня по отношению, например, к рублю. И, между прочим, эта проблема непосредственно связана и с нашими двухсторонними торгово-экономическими взаимоотношениями. Китайская печать так описывает механизм формирования обменного курса рубля: вроде бы в России действует корзина набора наиболее устойчивых валют, и по отношению к ней рассчитывается курс рубля. Но я хотел бы, чтобы наши российские друзья нам сегодня дополнительно пояснили, как все-таки в России формируется обменный курс?

Четвертый вопрос, на котором я хотел остановиться, это оценка нынешнего состояния китайской экономики и направления ее дальнейшего развития. На утреннем заседании был затронут широкий круг проблем. В целом я согласен с тем, что высказывалось, и присоединяюсь к высказанным оценкам. Я бы только хотел подчеркнуть мысль о том, что с точки зрения глобального развития Китай сохраняет определенное количество преимуществ, которые и являются притягательным фактором для инвесторов. Их можно долго перечислять, однако два наиболее важных преимущества китайской экономики - это стратегически выгодное географическое положение и огромные трудовые ресурсы. Эти факторы объясняют, почему производственная активность в Китае так интенсивна. Глобальное присутствие китайских товаров является дополнительным подтверждением этого фактора.

В то же время следует подчеркнуть, что Китай создал внушительные валютные запасы в основном благодаря интенсивному развитию различных обрабатывающих и перерабатывающих производств. В то время как Россия, тоже имеющая существенные валютные запасы, создает их главным образом за счет продажи невозобновляемых ресурсов. Иными словами, в России пока отсутствует такое важнейшее звено экономической деятельности как конкурентоспособный сектор обрабатывающей

промышленности. Мне кажется, что именно поэтому господин Панфилов в утреннем заседании и говорил о том, что часть валютных запасов России было бы целесообразно использовать для оживления обрабатывающего производства, а также производственной инфраструктуры.

Это переключается и с проблемой инфляции. В первой половине нашего заседания мы уже частично обсуждали эти проблемы. В выступлении профессора Панфилова прозвучала мысль, что для того чтобы контролировать инфляцию, из инструментария, имеющегося на сегодняшний день, самым правильным было бы стимулирование предложения. Мои собственные взгляды на эту проблему являются такими же. [Иными словами, оживление российского перерабатывающего сектора дает возможность решить сразу несколько задач].

Что касается цифр прироста валового национального продукта за 2003 год он составил 9,5%. В первом квартале 2005 года он тоже был равен 9,5%. Мы сейчас считаем, что с учетом уже довольно большого масштаба китайской экономики - это чрезмерно высокие темпы. И сейчас растет беспокойство относительно того, что Китай не справится с такой скоростью роста экономики. Надо сказать, что этот быстрый рост создает опасность дисбаланса в части энергетики, транспорта и других инфраструктурных отраслей. С другой стороны, это обстоятельство свидетельствует о пользе взаимодополняемости экономик наших двух стран. Поэтому рост сотрудничества наших стран и использование этих факторов взаимодополняемости - совершенно естественный процесс.

В дополнение к тому, что мы обсуждали утром, хотелось бы высказать еще одно соображение. Особенность промышленной структуры России заключается в преобладании тяжелой промышленности, энергетики, машиностроения, в том числе оборонного комплекса. Но как бы вы не пытались поменять это положение дел, все равно именно такая промышленная структура будет существовать в России еще, видимо, довольно долго. И не надо слишком сильно огорчаться по этому поводу, а наоборот нужно использовать сравнительные преимущества этой структуры: посмотреть на то, как и где можно наиболее эффективно использовать эти преимущества. С учетом огромных природных ресурсов России, видимо, именно такой путь будет наиболее целесообразным. Вот таковы мои основные соображения. Спасибо.

В.С.Панфилов

Слово предоставляется господину Фэну Субао.

Фэн Субао (Feng Subao), Китайский Институт развития, г.Шэньчжень

Я подготовил текст своего выступления, но буду говорить не по тексту, а просто выскажу несколько мыслей, касающихся экономической модели Китая и нынешней ситуации в китайской экономике. Мне было очень любопытно услышать ваши размышления на тему о том, как в долгосрочной перспективе меняются соотношения между первичными природными ресурсами и трудовыми ресурсами. Поэтому позвольте мне поделить мое выступление на две части: в первой отреагировать на эти размышления, а во второй - высказать свои мысли по поводу российско-китайского экономического сотрудничества.

Последние 20 с лишним лет экономическое развитие Китая сопровождалось тенденцией, выразившейся в постепенном росте стоимости трудовых ресурсов, рабочей силы. Но вопрос о природных ресурсах на протяжении этого же периода времени тоже являлся стержневым. За последние 20 лет ВВП Китая, как известно, вырос в 4 раза, а объем использования ресурсов - только в два раза. Это вроде бы благоприятная тенденция. Однако мы трезво оцениваем ситуацию. В следующие 20 лет мы планируем еще раз четырехкратно увеличить ВВП. Но добиться, чтобы при этом объем потребляемых ресурсов снова вырос только в два раза, - невозможно.

Китай, как известно, стал третьим в мире по объему импорта нефти и природного газа. Сейчас страна потребляет сто тысяч баррелей в день. Если нынешние темпы прироста этого импорта, которые составляют 3,3 % в год, сохранятся, то Китай скоро выйдет на первое место в мире. Это путь, от которого нужно отказаться.

Россия, наоборот, занимает первое место по запасам нефти.

(Поправка из зала: Россия занимает первое место не по запасам нефти (на самом деле самые большие запасы нефти – у Саудовской Аравии), а по совокупным резервам нефти и газа в пересчете на нефтяной эквивалент)

Эта логика приводит нас к выводу, что для Китая будущее выглядит вроде бы более мрачным: нефть все дорожает и дорожает, ее все меньше и меньше, а объемы потребления нефти китайской экономикой растут. А у России, наоборот, безоблачное будущее - благодаря запасам нефти. Конечно, в этом рассуждении присутствует радикализм, но я специально утрирую, чтобы подчеркнуть свою мысль.

С другой стороны мы видим, что реальные процессы в международной экономике на порядок сложнее, их определяет много факторов. Мы видим, что и региональные аспекты поставок нефти тоже меняются. В настоящее время появляются новые источники поставок нефти: Африка, страны прикаспийского региона. Меняется не только география структура поставок нефти и газа, но меняется и структура потребления. Например,

предполагается, что уже через 2-3 года удельный вес природного газа в энергопотреблении будет заметно больше, чем сегодня, а через 20 лет газ может определять 80% в потребления углеводородов.

Кстати, если по нефти Китай очень серьезно зависит от внешних поставок, то по газу у него гораздо более благоприятная ситуация. В Китае, а также в Индии, есть свои значительные месторождения природного газа. Мы также не должны сбрасывать со счета и стремительный рост научно-технического прогресса, который, видимо, будет серьезно влиять на структуру потребления нефти, уменьшая зависимость мировой экономики от последней.

Я внимательно стараюсь следить за тем, что происходит в России. Меня интересует все, что связано с ее историей, с общественной мыслью. Россия имеет огромный природный и человеческий потенциал. Лично мне кажется, что в России всегда немного отстают от проблем, не принимают упреждающие решения. У меня создается впечатление, что в России решают проблемы только тогда, когда они возникают. Примером этого подхода является столкновение Кутузова и Наполеона, описанное Толстым в его романе «Война и мир». Кутузов не воевал активно и напористо, а наоборот старался задействовать всю совокупную мощь ресурсов России. Кутузов использовал ее территорию, население и прочее для того, чтобы выиграть в стратегическом плане, хотя в тактическом он постоянно отступал перед противником. Похожая вещь произошла и в эпоху Сталина, когда он тоже отступал перед натиском Гитлера, а в итоге оказался победителем. Однако не факт, что в современном мире такого рода неспешные действия, использование только естественных преимуществ являются самой лучшей стратегией. Такой, так сказать, пассивно-стратегический подход, который опирается на то, что конце концов страна все равно естественным образом окажется «в правильном месте» может не привести к победе. Этот подход ведет к растрачиванию времени и ресурсов. При нем теряется возможность вовремя сформулировать и осуществить необходимую стратегию действий, осуществить технические нововведения и другие вещи, которые так важны в современном мире.

В современном мире экономика любой страны базируется на нескольких ресурсах. Природные ресурсы - это очень важно, но еще более важны две другие вещи - человеческий капитал и знания, инновации. Иначе говоря, экономика, основанная на знаниях. Согласно данным ООН, Россия занимает первое место по природным ресурсам, хотя в части человеческого капитала Россия уступает Америке. Однако самый главный дефицит в России - это дефицит капитала. Если Россия не сможет привлечь капитал, то она не сможет реализовать свой уникальный природный и гуманитарный потенциал,

которыми она обладает. То есть, она упустит редкий исторический шанс с помощью финансового капитала объединить и задействовать свои природные и человеческие ресурсы. Поэтому я в целом подписываюсь под теми соображениями, которые утром высказал руководитель нашей делегации господин Ли Лоли, говоривший, что нужно обязательно предпринять усилия по повышению открытости российской экономики и на этой основе осуществить техническое перевооружение и институциональные реформы.

Что касается вопроса о двухстороннем сотрудничестве России и Китая в области торговли и экономического развития, то его следует рассматривать в рамках сюжета о ВТО. Китай 3 года назад вступил в ВТО, и за эти три года объем его внешней торговли вырос в 3 раза. Однако ВТО это не единственная площадка, регулирующая торгово-экономические отношения. Другими форматами, которые позволяют интенсифицировать внешнюю торговлю, являются двухсторонние и многосторонние региональные соглашения. Вот, например, Китай сейчас очень активно ведет политику по созданию зоны свободной торговли с АСЕАН в формате АСЕАН плюс Китай и в формате АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея. России следовало бы подумать на тему интенсификации своего участия в каком-либо проекте такого регионального сотрудничества, например, региональное сотрудничество в Северо-Восточной Азии, где она могла бы участвовать в том или ином виде регионального сотрудничества с Китаем, Японией, Южной и Северной Кореей или в другом составе. Спасибо.

В.С.Панфилов

Предлагается дискуссия, вопросы сначала к китайской делегации. И, прежде всего, по вопросам банковской сферы, финансов в целом. Лично для меня интересен вопрос, каким наши китайские коллеги видят сбалансированный курс юаня? И каким образом Китайская Народная Республика собирается на этот курс выходить? И если этот равновесный курс будет достаточно высок, то сможет ли экономика Китая выдержать такой высокий курс юаня? К примеру, среди участников рынка Forex есть глубокое убеждение, что минимальный уровень, требуемый для ревальвации юаня, это 30%. А средняя их оценка ревальвации - 50%. Если курс юаня в обозримом будущем поднимется примерно до четырех юаней за один доллар, то насколько готова китайская экономика выдержать такой курс? При этом международное финансовое сообщество оказывает довольно масштабное воздействие на китайские власти по следующим поводам: пункт а – переход к гибкой валютной политике; пункт б – действия в сторону ревальвации юаня. Высокий курс национальной валюты очень выгоден туристам из этой страны, но часто

оказывает медвежью услугу экономике. Я прошу, чтобы наши китайские коллеги высказались.

Фэн Субао (Feng Subao)

С утра, перед началом нашего обсуждения, мы разговаривали с нашей соотечественницей из Шеньчжэня - мадмуазель Ши, которая здесь уже несколько месяцев. Мы, естественно, спрашивали ее, сколько что стоит. Вот, например, шлепанцы стоят 150 рублей. В Москве это примерно 50 юаней, а в Китае - в 10 раз дешевле. То же самое касается проживания в гостиницах - в Китае гораздо дешевле стоимость услуг гостиничного сектора. В Китае за 100 долларов, как правило, можно поселиться в самых лучших отелях. Примерно такой же номер, в котором мы живем в Москве, в Китае стоит не больше 50 долларов.

Расчеты зарубежных экономистов показывают, что в соответствии с паритетом покупательной способности соотношение юаня к доллару должно быть один к четырем. Это соответствует тому, что сказал профессор Панфилов. Я тоже считаю, что юань сейчас недооценен и стоит немножко дешевле, чем должен. Нынешний курс - 1 доллар = 8,27 юаня - был установлен в начале 1995г. после того, как в конце 1994 года были сведены в единый курс существовавшие до этого несколько курсов: курс инвалютного юаня, обычного юаня и т.д. За десять лет, которые прошли с начала 1995 года, прирост экономики Китая был в среднем чуть больше 9% в год. За этот же период, по моим ощущениям, экономика США прибавляла в среднем где-то 4,5% в год. Но официальный курс не изменился ни на йоту. В общем-то, это не правильно.

Конечно, все специалисты по валютному курсу вам скажут, что рост экономики не единственный фактор, определяющий обменный курс. Но в то же время это один из важнейших факторов. И то, что на международной арене сейчас присутствует серьезное давление на правительство Китая с целью повышения юаня, это нормальный феномен. Можно сказать, что вопрос валютного курса в Китае немного завис, его решение отстало от других реформ. Из-за того, что ничего не предпринималось в этой области, накопилось много структурных проблем. В результате сейчас приходится в немного авральном порядке разбираться по поводу того, что делать дальше с обменным курсом.

Сейчас уже четко обозначились основные источники давления, лоббирующие повышения юаня: США, Япония, МВФ, G-7. Но наше правительство свою четкую позицию тоже уже озвучило. Ее смысл таков: мы изучаем эту проблему, как только мы ее изучим и придумаем, что делать, мы вам объявим свое решение. Конечно, юань не может оставаться в неизменном положении, что-то нужно будет делать.

Господин Панфилов говорил, что кто-то предлагает поднять юань на 30%, кто-то - на 50%. Но моя личная точка зрения такова: если и произойдет изменение обменного курса, то не больше чем на 10%. И если коридор изменений составит не больше 10%, то этот сдвиг не нанесет большого урона ни конкурентоспособности китайской экономики, ни ее поступательному развитию.

Второй вопрос касается построения механизма выработки обменного курса. Это уже другая проблема. По этому вопросу ведутся активные исследовательские работы и дискуссии, но сейчас мы можем только гадать, к чему они приведут. Ничего определенного мы пока сказать не можем. Поэтому мы просим российскую сторону простить нас за то, что мы сейчас не можем четко ответить на поставленные вопросы.

И еще несколько слов. Внутри Китая тоже идет дискуссия между сторонниками двух позиций. Однако, хотя за границей многие говорят о проблемах слишком низкого официального обменного курса, внутри страны никто еще с цифрами в руках не доказал, что нынешний обменный курс мешает или представляет угрозу дальнейшему развитию китайской экономики.

С другой стороны, надо учитывать, что сейчас китайская экономика превратилась, образно говоря, в «мировую фабрику». В качестве единицы экономического анализа уже нельзя брать экономику только самого Китая. Как известно, 60-70% экспортно-импортных операций Китая это, вообще говоря, экспортно-импортные операции транснациональных корпораций (ТНК), которые ввозят в Китай сырье и вывозят уже полуфабрикаты. Или ввозят полуфабрикаты, а вывозят готовую продукцию. Поэтому проблемы позитивных или негативных сторон нынешнего валютного курса юаня каким-то образом перевариваются в рамках операций, которые осуществляют ТНК. Иначе говоря, ТНК фактически сами решают эти вопросы.

Конечно, многих беспокоят, во-первых, беспрецедентные масштабы валютных резервов. Во-вторых, заниженный курс юаня может затруднить возврат внешней задолженности. Ввиду роста зависимости китайской экономики от иностранных поставок нефти, газа и прочих первичных продуктов повышение курса юаня также было бы выгоднее, поскольку бы тогда для потребителей в Китае эти ресурсы стали бы дешевле.

Но все-таки и без этого, наблюдая ситуацию, мы видим, что быстрый рост экономики продолжается. Валютные запасы также растут уверенными темпами. И хотя значительная часть дополнительных валютных запасов - это приток «горячих» денег, немалая доля прироста связана с ростом производства и с положительным сальдо внешней торговли. Поэтому пока мы не видим, чтобы валютный курс создавал какие-то преграды для продолжения нынешнего экономического роста. Все обсуждения этого вопроса в

руководстве Китая исходят именно из этого, что дает время взвесить плюсы и минусы потенциального повышения обменного курса юаня.

Мы, кстати, считаем, что 100-200 миллиардов «горячих» денег пришли в Китай как раз в предвкушении ощутимого повышения обменного курса юаня. И это спекулятивное ожидание, в принципе, таит в себе определенную опасность. Господин Юй Сюэцзюнь совершенно правильно сказал: финансовые власти Китая понимают, что нужно совершенствовать сам механизм формирования обменного курса. Что нужно, возможно, через какое-то время осуществить ревальвацию. Но все последствия должны быть взвешены.

Еще один важнейший принцип китайского правительства заключается в том, что какое бы давление иностранные правительства не оказывали, для нас это ровно никакого значения не имеет, будь то президент Буш, G-7 или G-8. Нас это все не интересует, потому что повышать или не повышать курс юаня - это чисто внутрикитайское дело. Как следствие, китайское правительство информирует [международное] общественное мнение таким образом: мы изучаем этот вопрос и готовим решение. А когда мы его изучим и подготовим, о нашем решении мы вам объявим.

Я также соглашусь с четким мнением господина Юй Сюэцзюня о том, что мы вряд ли повысим курс юаня более чем на 10%. К тому же надо обратить внимание и на те 100-200 миллиардов долларов горячих денег, которые попали на китайский рынок. Они находятся там, ожидая, что когда резко повысится курс юаня, на этом можно будет заработать большие деньги. Но себестоимость вхождения и нахождения на китайском рынке для владельцев этих горячих денег весьма высока, и возможно через 1-2 года они, потеряв на ожидании, примут решение выйти из игры. Возможно, тогда и появится наиболее удобный момент для ревальвации юаня.

В то же время хотел бы напомнить авторитетное мнение нынешнего министра финансов США, а также такого авторитетного эксперта как Джозеф Стиглиц, которые считают, что в настоящий момент нет никакой необходимости в изменении курса юаня.

Вопрос из зала:

Вопрос по китайской банковской системе. Китайские докладчики рассказали нам о двукратной санации, проведенной госбанком Китая. Однако в докладах не было сказано о механизмах этой санации. В частности, когда в 1998 году вливалась ликвидность объемом в 270 миллиардов юаней, в какой форме это осуществлялось: в кредит, живыми деньгами, вкладами в уставной капитал? Что касается списания долгов, заключалось ли это в

стандартной практике списания за счет резервов правительства или, в конечном счете, за счет капитала банка? Если за счет государства, то как оценить масштаб?

Ответ

В Китае были выпущены государственные облигации примерно на сумму в 1400 миллиардов юаней. В тот момент показатель достаточности капитала ощутимо снизился (как вы знаете, в соответствии с Базельской конвенцией нельзя, чтобы этот показатель опускался ниже 8%). Поэтому государство осуществило масштабное вливание для поднятия этого показателя. Была создана компания, в которую были переведены безнадежные долги, «плохие» кредиты четырех основных государственных банков. Перед этим, естественно, была проведена работа по классификации с помощью нескольких критериев этих кредитов, из них были вычленены безнадежные долги и часть их была переведена на эту компанию.

Что касается денежной массы, то в описываемом 1998 году ее объем был равен 10 триллионам юаней. Получается, что вливание составляло чуть больше 10% денежной массы.

Вопрос из зала:

А какова сейчас денежная масса в Китае, за 2004год?

Фэн Субао (Feng Subao):

25,4 триллионов юаней.

Кроме того, я хочу вернуться к вашему предыдущему вопросу о том, не вызвало ли инфляционных последствий вливание ликвидности на 1 триллион 400 миллиардов юаней? Тут не могло быть никаких последствий, потому что ликвидность влили за счет выпуска облигаций именно на сумму «плохих активов», а эти активы вывели в специальную компанию. Одно другое погасило.

Вопрос из зала:

Вывели активы на безвозмездной основе? А что произошло с пассивами?

Фэн Субао (Feng Subao):

Если вас интересует, что дальше стало с этими активами, то специальная компания стала с ними разбираться. Часть долгов была продано на аукционе, с остальными должниками компания продолжила постепенно разбираться.

Вопрос из зала:

Как была проведена бухгалтерская операция?

Фэн Субао:

С точки зрения пассивов не произошло никакого изменения, это коснулось только активов.

Вопрос из зала:

Вообще-то по балансу мы должны либо направить банку какой-то новый актив, либо предоставить что-то из пассивов. Что именно произошло с балансом в госбанках?

Фэн Субао (Feng Subao):

Поскольку речь идет о государственных банках, то просто сделали отметку, что вот эти активы переведены из одного кармана в другой.

Вопрос из зала:

Китай собирается либерализовать свою банковскую систему. В какой степени? И о чем идет речь: о расширении допуска иностранных банков или о разрешении трансграничных операций для иностранных банков, работающих в Китае?

Если это китайские банки с их иностранным капиталом (иными словами, иностранный капитал получил лицензию на работу в Китае), то вроде ничего страшного не будет. Я не большой знаток правил ВТО, но, по-моему, это как раз возможно.

Фэн Субао (Feng Subao):

Согласно переговорам, которые были проведены с ВТО, был согласован график поэтапной либерализации банковского сектора, включая территориальный аспект. То есть, сначала для иностранных банков открывались очень ограниченные анклавы, и первым таким анклавом стал город Шеньчжень, из которого приехала наша делегация. Там еще в 1982 году был открыт первый банк полностью с иностранным капиталом. Но 10 лет нигде, кроме Шеньчжэня, ничего подобного нельзя было сделать. Лишь в 1990-91гг. к этому списку прибавились Шанхай и Гуанчжоу. Когда Китай официально вступил в ВТО, то он обязывался каждый год добавлять к этому списку 4-5 городов. К настоящему моменту в этом списке 20 городов, которые были четко прописаны в соглашении. предполагается, что к концу 2006 года уже в любом городе Китая иностранцы смогут открыть банк со

своим уставным капиталом. Достаточно будет только написать заявление, и уже будет право создать такой банк.

Второй аспект касается типа операций, которые разрешаются иностранным банкам. Был период, когда иностранным банкам разрешалась работа только с иностранными валютами. С юанем они не могли работать, но последние два года начали они совершать операции и с юанем. Это право также привязано к географии. Сначала существовало ограниченное число городов, где иностранным банкам разрешено работать с юанями, потом список этих городов будет постепенно расширяться.

Третий аспект - это клиентская база. Например, на самом начальном этапе клиентами иностранного банка или банка со 100%-м иностранным капиталом были только предприятия, также имеющие 100%-й иностранный капитал. И вот уже в 2006 году вырастет число городов, где и китайские предприятия смогут обслуживаться в иностранных банках. Что касается конца 2006 года, то будет «час икс», когда снимаются ограничения для иностранных банков на работу с юанями. И также они получают разрешение работать не только с иностранными предприятиями, смешанными и китайскими предприятиями, но и с физическими лицами. Надо сказать, что процесс создания банков с иностранным участием или со 100%-м иностранным капиталом происходил и до, и параллельно, и независимо от переговоров по ВТО. Дело в том, что были некоторые пороги допуска на рынок, связанные не с ВТО, а с проблемой надежности банков. В частности, в Китае до сих пор есть положение, что создать на территории Китая банк с иностранным капиталом может банк, совокупные активы которого не меньше 20 миллиардов долларов.

Вопрос из зала:

Когда говорилось про платежный баланс и прирост золото-валютных резервов в 200 млрд., вы сказали, что +32 миллиарда долларов по торговому балансу, +66,6 миллиардов долларов - это прямые инвестиции, а еще +100 миллиардов - это так называемые горячие деньги. Что это за 100 «горячих» миллиардов, в какой форме они существуют? Займы китайских резидентов за границей, займы китайского правительства или муниципальных властей, инвестиции иностранцев на китайский рынок, или, в конце концов, ввоз наличной валюты в Китай?

Ответ:

Есть предположение, что на все эти деньги иностранцы купили ценные бумаги муниципальных властей и т.п. Это не совсем так, потому что китайская комиссия по

ценным бумагам жестко контролирует выпуск бумаг, которые можно покупать иностранным инвестиционным банкам или каким-то институциональным инвесторам. Но там [бумаг] всего на 2-3 миллиарда долларов, хотя часть горячих денег сюда, конечно, тоже вкладывается. Видимо, значительная часть горячих денег поступает по неофициальным каналам, через которые покупаются юаневые активы. Например, недвижимость.

Вопрос из зала:

Как оценивается размер подпольных каналов?

Комментарии российской стороны:

Они все считают и обнаруживают дыру указанной величины. У нас эта величина называется «ошибки и пропуски».

Вопрос китайской стороны:

Со своей стороны китайская делегация высказывает большое желание, чтобы им вкратце пояснили ситуацию с российской банковской системой. В частности, нас интересует возможности работы на российском рынке иностранных банков, банков созданных с участием иностранного капитала. Являются ли в целом все российские банки частными или государственными, и какую часть капитализации российской банковской системы занимает иностранный капитал?

Ответ:

Чисто государственных банков у нас, вообще говоря, уже нет. Я имею в виду банки 100%-м государственным капиталом. Есть несколько банков, где государственное участие очень близко к 50 процентам или выше. Половина из них входят, по крайней мере в пятерку крупнейших российских банков. Это прежде всего Сбербанк и Внешторгбанк. Есть еще Внешэкономбанк и Россельхозбанк.

Если говорить про сбербанки и внешторгбанки, то это, конечно, банки с доминирующим государственным участием в капитале. Но при этом в своей политике они мало зависят от государства. Конечно, наш Сберегательный банк активно пользуется тем, что есть государственные гарантии по вкладам населения, но даже если и возникают какие-то рекомендации государства по размещению средств Сбербанка, то они достаточно приблизительны и выполняются еще более приблизительно.

Что касается банков с иностранным участием, то до недавнего времени у нас действовало некое ограничение. Центральный банк не допускал, чтобы доля иностранного капитала в совокупном капитале банковского сектора превышала 12%. Два года назад это ограничение было снято. Ограничения на уставный капитал в 20 миллиардов долларов у нас нет. Любой вновь открываемый банк должен иметь стартовый уставной капитал не меньше 5 миллионов евро. Четко по Базельским соглашениям.

Реальная доля иностранного капитала в совокупном банковском капитале России - около 10%. У нас встречаются и достаточно тонкие моменты. Например, есть такой довольно крупный банк – Альфабанк. Он никогда не фигурировал в числе банков с иностранным капиталом. Но два года назад на сайте Центрального Банка можно было прочесть проспект эмиссии Альфабанка, где было написано, что 90% его акций принадлежит некоторым компаниям, зарегистрированным на неких островах. Поскольку у каждой из этих компаний в названии фигурировал корень «альфа», было понятно, что это такое. Но за последние полтора года ситуация в корне изменилась. Это объясняется тем, что полтора года назад Альфабанк собирались продавать, и капитал был выведен в оффшорные зоны. Это была предпродажная подготовка. А так, в принципе, у нас есть и свой китайский банк. Но я считаю, что в действительности это российский банк, потому что он имеет лицензию, выданную Центральным Банком Российской Федерации. Иными словами, российский банк с китайским капиталом.

В заключение я должен предоставить слово для заключения профессору Ли Лоли.

Профессор Ли Лоли готов эту честь вернуть председательствующему.

Я постараюсь быть кратким. Прежде всего, спасибо китайским коллегам за то, что они просветили российских участников относительно развития китайской экономики и относительно того, как видятся нашим китайским коллегам пути сотрудничества между Россией и Китайской Республикой. Китайские специалисты высказали несколько очень ценных соображений по поводу того, как развивается Россия. Во-вторых, пожелать нашим китайским коллегам удачной поездки в такой прекрасный город, как Санкт-Петербург. Предлагаю российским коллегам стоя поблагодарить участников конференции с китайской стороны. И вручить нашим китайским коллегам сувениры.

Профессор Ли Лоли (Li Luoli):

В следующий раз мы приглашаем вас в город Шеньчжень.